

СВЕТЛЯЧОК

01.07.2014

№ 7 (40) Июль 2014 года

• Земляки

Лебеди из нашей заводы

Информации, полученной в нашем краеведческом музее на этот раз, было столько, и она была такого высокого градуса, что одолевала растерянность. С чего начать? С тяжёлой бронзовой статуэтки с надписью «Победитель. Менеджер года», с диплома Лауреата Рейтинга «Топ-1000 российских менеджеров», выданного Ассоциацией менеджеров, с Указа президента о награждении медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 11 степени или с фотографии, где наш земляк приветствует английскую королеву?

Но начать решила всё-таки из давнего прошлого, из минувших шестидесятих, с этих вот стихотворных строчек:

Это просто лебеди острыми крыльями
Растревожили сердце моё,
Раскололи его пополам.
Надвигается осень с холодными ливнями,
И приходит пора желтеть тополям...

Что дальше, не знаю, потому что лишь эти строки запомнились моей подруге Александре Карповой (ныне Хребтовой), которая была октябрятской вожатой в 6 или даже 5 классе Андреапольской средней школы, где учился её подопечный Саша Вихров в те далёкие годы. И рассказала она мне их лет десять назад, но они намертво засели в моей голове, потому что удивительными показались образы, увиденные маленьким ещё мальчиком и его способность так чувствовать. Сейчас подобного не встретишь. Во всяком случае, нам с ней не приходилось встречать за долгие годы работы в школе в разных местах.

Вы, конечно же, догадались, что речь идёт об одном и том же человеке. Да, именно Саша Вихров оставил нашему музею все эти документы и статуэтку. Только теперь он вырос в Александра Николаевича Вихрова, главного исполнительного директора по внешним коммуникациям ФК «УРАЛСИБ». А до этого окончил школу, работал в нашей «районке», в Тверской молодёжной газете «Смена». Окончил журфак Ленинградского университета. Объездил полмира по делам служебным и общественным.

О нём можно найти статьи в центральных газетах и журналах. Вот, например, интервью «На ты с Наполеоном» из известного еженедельного журнала «Итоги», рассказывающее о его «не тривиальном» увлечении: «Александр Вихров объехал полмира в поисках артефактов, так или иначе связанных с Наполеоном. Сегодня это коллекция, которую с благодарностью принимают лучшие музейные площадки страны».

(окончание на стр.2).

(начало на стр.1).

С английской королевой он, пусть и не на ты, но рядом и за руку запечатлён фотографом. И вместе с тем родные края не забывает. Это на его средства издан недавно сборник стихов безвременно и трагически ушедшей Галины Безруковой, с которой он когда-то работал в «Смене». Стихи предваряет его вступительная статья, полная теплых слов и мелких подробностей, не забытых за важными делами международного уровня.

И разве оказался бы Александр Николаевич в Андреапольском музее со своими дарами, если бы не память о месте, где появился на свет. Он помнит о нём всегда. Свидетельством тому и строки из той же журнальной статьи. Когда интервьюер задаёт ему вопрос, «почему Наполеон, а не Александр Великий», вот такой следует ответ: «В школе проходили «Войну и мир», нам задали сочинение на тему «Кутузов и Наполеон». Когда готовился, где-то вычитал, что Лев Николаевич был явно несправедлив в создании образа императора французов. Вот так, от одного вопроса к другому, я и подобрался к «Наполеону» академика Тарле».

Оказывается, от андреапольского школьного порога начинался интерес, выросший в серьёзное взрослое занятие.

Ну, и несколько слов о награде «За заслуги перед Отечеством». Она получена нашим земляком тоже по очень интересному поводу – за активное участие в подготовке и осуществлении доставки исторических реликвий крейсера «Варяг» в Россию. И это дело продиктовано не иначе как любовью к Родине, только теперь уже в более широком смысле.

Читала когда-то, что лебеди каждой весной возвращаются в места гнездований, то есть туда, где родились. Их неотвратимо тянет в родные заводы. Хороший инстинкт.

А. Н. Вихров обещал ещё не раз бывать в нашем городе.

М. Петрова

На снимке: с английской королевой (А. Н. Вихров крайний справа).

• Нам пишут

К счастью, у Вашего (Нашего!) "Светлячка" есть ЛИЦО! И оно - интересно.

Юрий Смирнов, Торжок – Любино

Рассказ Шандаевской «Хотите верить» всколыхнул давнее и пережитое мною. В памяти отпечатались два эпизода, которые могли закончиться трагедией, но, видно, свыше решили иначе.

Когда я была ещё школьницей, часто ездила с родителями в Бобровку к родственникам. Обычно – на выходные. В ту субботу решили ехать на десятичасовом автобусе. А перед отправкой на вокзал включили электрический самовар, чтобы чайку на дорожку попить. Потом отвлеклись, заторопились, сумки подхватили – и к станции. Пришли, а автобус задержался. Ждали с полчаса, а потом объявили, что рейса не будет из-за поломки. Что оставалось делать – двинулись к дому. По пути ещё в магазин зашли. Дверь квартиры открыли, чувствуем – какой-то запах странный, на кухню заглянули, а наш самовар уже на последнем издыхании. Вода выкипела, его уже корёжить стало... А если бы мы уехали, да на два дня? Остались бы без квартиры, это точно, пожара было бы не миновать. Радовались, что всё обошлось, а главное – что во время сломался автобус.

И второй случай произошёл уже где-то в восьмидесятых годах, когда я работала в редакции. Тогда мы располагались в здании типографии, на втором этаже. Зимой там было страшно холодно, и мы пользовались обогревателями. Такие "тарелки" с открытой спиралью. В тот день я в кабинете сидела одна. Обогреватель на подоконник поставила, от окна преимущественно холод и шёл. Настало время обеда, отправляясь, решила оставить обогреватель включённым: мол, пусть нагревает помещение, пока меня нет. Спустилась я по крутой-крутой лестнице вниз, и будто кто мне говорит: выключи иди. Подниматься лень, уж очень лестница трудная. Постояла внизу, посомневалась, и опять внутри как-то беспокойно. Ай, думаю, поднимусь! Поднялась. Открыла дверь кабинета - а там уже занавеска вовсю пылает, огонь быстро-быстро вверх бежит... А у нас же там бумаги, газеты, папки всяческие! Боже мой, заметалась, занавеску сорвала, затоптала. А сердце колотится, как сумасшедшее, руки дрожат... Мне бы в жизни не рассчитаться за всё, если бы случился пожар. Ведь по моей вине. Я до сих пор иногда переживаю чувство огромного облегчения и даже счастья, вспоминая тот день. Как кто хранил от беды.

Светлана Виноградова, г. Нелидово.

● Новые книги

Имя тверской журналистки и переводчицы **ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВОЙ** уже знакомо андреапольцам: она бывала у нас, встречалась с читателями в библиотеке, представляя своё творчество.

Недавно в Канаде напечатана её новая книга «Ржев – город воинской славы». В книге представлены воспоминания живых свидетелей Ржевской битвы – в большинстве своём честные, не размытые идеологией.

Канадское коммерческое издательство издает подобные книги на благотворительной основе, самостоятельно выбирая в Интернете произведения, представляющие интерес для читателей. Так что отбор книги о Ржеве произошел без всякого участия самого автора, сообщают «Тверские ведомости». Но предложение автору было сделано и получено её разрешение.

Представляем отрывок из этой книги.

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

Михаил Царёв не был во Ржеве тридцать лет. Однополчан в живых всё меньше, приглашать некому. Да и собственные раны беспокоят всё больше. Но в день окончания Ржевско-Сычёвской наступательной операции Михаилу Николаевичу выделили персональное авто. И пока «Пежо» лихо оставляет за собой полторы сотни километров в час, ветеран 274-й дивизии всматривается в пейзаж за окном. Вспоминает этапы пути от деревни Дешёвки до Ржева, где 70 лет назад был командиром пулемётной роты.

Орден Красной Звезды он получил позднее, уже в Белоруссии: «За Ржев тогда орденов не давали». Но поучаствовать в наступлении пришлось, дважды быть раненым – тоже. Выходить из окружения? Не без этого. Ходить в рукопашные атаки? Тоже. 26 месяцев войны провёл пулемётчик Царёв в боях, остальное время – по госпиталям.

У деревни Клешнёво ветеран упорно ищет «свой» окоп. Вот церковь, откуда строчил прикованный к пулемёту фашист. Это знают местные, охотно подсказывающие, куда свернуть. Места здесь давно уже дачные, на деревянных фасадах домиков, как баранки в связке, вывешен сохнувший лук. Ветерок добавляет в раскалённый воздух сладкий запах разнотравья. Тогда здесь пахло только смертью. «Танки зарывали наших в песок», – говорит взволнованный ветеран. Нахлынувшие воспоминания, внимание к его персоне отнимут у Михаила Николаевича ещё не одну ночь.

В гостинице он первым окажется на ногах. Привычно зашнурует левой рукой башмаки: обувь на липучках кажется ему баловством. Наденет тяжёлый пиджак, позвякивающий и справа и слева. И снова заговорит.

В юности Царёв был крепким орешком. Перед войной занимался боксом, в политехникуме изучал оружие. Потом, в пекле ржевских боёв, как-то разоружил двух перебежчиков: привести к немцам офицера значило спасти собственные шкуры. «Вообще-то слежка была за каждым. Чуть что – и сразу тебя...» – говорит правдолюб Царёв. Но не только поэтому он с раной семь на семнадцать сантиметров на выходе косил ещё несколько часов фрицев из пулемёта. В немецких дневниках боевых действий нам удалось отыскать этот эпизод – только, конечно, без имени собственного. Такой вот неожиданный комплимент советскому солдату из уст вооружённого до зубов врага.

А после войны началось что-то странное. Разрешения работать в военном архиве в Подольске ему, председателю совета ветеранов дивизии, почему-то не дали. Зато в пятьдесят четвёртом дали первый выговор: официальная трактовка наших побед не совпадала с его взглядами очевидца. Был и второй выговор – за отказ уйти из школы... в председатели колхоза. Но, тридцать раз раненный за всю войну, он ещё сорок лет после неё умудрялся работать. И если бы не заметное волнение на местах боёв, других признаков возраста ещё бы поискать.

Орденосец Царёв – свой человек и в нынешней армии. В гарнизоне во Ржеве нам показали её современную мощь. Здесь есть многое. И если о знаменитом зенитно-ракетном комплексе С-300 говорят открыто, значит, даже он уже день минувший. «Вот бы тогда нам такую технику, – вздыхает ветеран. – Тогда не хватало ни того, что было, ни народа».

О 30-й армии, где он воевал, не написано мемуаров. Полегла она на ржевских полях практически полностью. Вот и помалкивали военачальники. А спрашивать об этом солдат войны долго было не принято.

Сейчас интерес к таким, как Царёв, растёт. Правда вообще оказалась востребованной. И это хороший признак: у готовящихся к печати воспоминаний Михаила Николаевича будет свой читатель.

● Гости клуба
Артём Сидой,
г. Белый

не сдавайся. Она
и так велика -
вероятность просто
проснуться взрослым,
ни с того
ни с сего.

КРАСОТА

Мокрый асфальт блестит
глазницами фонарей.
Депрессия – это вид
усталости батареек.
Забиваюсь в каждом углу,
на стенах рисую полоски,
источаю на грязном полу
слюну прозрачного воска.
Повторяю по тысяче раз,
не могу всё никак расстаться
с миллионом избитых фраз.
Разгрызаю фаланги пальцев,
замечаю красоту во всём,
пропускаю через себя.
Обжигаюсь вечным огнём
каждого нового дня.
Хватаю солнце в ладони,
но оно за стеклом, далеко,
Казнено и виснет на лоне
прошедших впустую веков.
Наблюдаю, как светло горят
отражением волжские воды
двадцать первого ноября
две тысячи десятого года.

«Синоптики мира
обещают войну,
Чума из пробирок
угрожает всему,» -
лают стогласые СМИ.
Разбей телевизор
и посмотри
на яркий узор
тельцов и медведиц.
В стеклянную ночь,
гуляя без лиц,
нельзя превозмочь
стремления к свету
одинокого фонаря,
Ощущая при этом
царапанье ноября.
Кто крикнет в рожу
без дома калек:
«Мечтанья дороже,

чем хлеб в этом веке!»)?

В такие моменты
понимаешь, что свод
эквивалентов –
это развод.

Светило марта мраморное солнце.
Случилось всё как раз тогда,
когда лучистый скальпель коцал
плоть снега, а вода
переродилась грязной жижей,
выталкивая глыбки льда,
Голов похожие на тыщи,
Всплывают что со Стикса дна.
Я был низвергнут в этот ад
из-за рассеянности вечной,
И выбраться скорей бы рад,
Да кожу холодом калечат,
кусают капель муравьи,
и ноги, словно не мои.
Позднее тело отомлело.
Прощание со светом белым
Не долгим было – раз и всё.
Вокруг темно и непроглядно,
но вдруг рыданье чьё-то, чьё?
откуда слышу - непонятно!
Смотрю – опять попал куда-то,
туда, где ходят люди сжаты
громадинами зданий на дороге.
Прохожие спешат обить пороги,
трамваи рыцарски гремят,
Но всем нет дела до меня...
Лежу, смотрю как мне в оконце
Всё светит мраморное солнце.

ВСЁ МИР ПРОТИВ ТЕБЯ ОДНОГО

Каждый раз, теряя работу,
падаешь глубже и глубже на дно,
туда, где ханыги дохнут от рвоты,
Где проститутки хлещут вино.

Падаешь ниц, нету силы подняться,
и забываешь, кем ты был и кто есть,
Считая копейки остатка зарплаты,
думаешь, где тебе спать и что есть.

Весь
мир
против тебя одного,
против тебя одного,
ПРОТИВ ТЕБЯ ОДНОГО -
В жизни не так, как в кино.

Ноги сбиваются вдрызг,
Бьёшься о лбы кулаками,
В жизни приходится грызть
Глотки и землю зубами.

● Бессонница,
бессонница...

Юрий Смирнов,
Торжок – Любино

На горе огни померкли.
В доме ночь и тишина.
Я один, и томик Беркли
На коленях у меня.

Мне теперь немного надо:
Быт, базар – всё суета.
К Спасу яблоко из сада –
Вот желанная награда ...
До последнего суда.

Наталья Иванова,
Пено

Погулять бы с тобой под дождём,
Подышать бы ночью прохладой.
Ну и что, что не вместе живём.
Ничего в этом нет. И не надо.
Что с того, что я чья-то жена –
Не следят фонари в переулках.
Я на улицу выйду одна.
Не пойдёшь ты со мной на прогулку.
Я одна... а могли бы вдвоём
Слушать шелест невидимых крыльев.
Прогуляться с тобой под дождём
Даже ангелы мне б разрешили.

Светлана Виноградова,
Нелидово

Бессонница, бессонница –
подушка горяча.
И мысли стыннут медленно,
как капли сургуча.
Галдят, бессоньем маются
за окнами грачи.
Мне спать совсем не хочется,
хоть филином кричи.

Пётр Бобунов,
Нелидово

Хотел, чтоб лучше,
Да не вышло,
И вновь дорога привела
Туда, где ночь скребётся мышью.
Но у мышей свои дела,
К которым будто не причастен
Ни так ни сяк, а сон неймёт,
И тупо ждёшь, что солнца ластик
С утра всё наново сотрёт.
Но повторенье – мать мученья
Неокончаемой длины.
И днём всё те же заблужденья,
и ночью те же грызуны.

Владимир Юринов,

Андреаполь

Образумься, приснись – ночь полна частым счётом часов,
ночь бездонна, как склеп, и до льда в животе жутковата.
Вновь бессонно вращаю дневной суеты колесо
бесконечной тропой, что к восходу ведёт от заката.
И спасения нет, и замедлило время свой бег,
и горячей рукой прижимает на выдохе сердце.
Я в огромной любви своей пленником заперт навек,
и из этих тисков никуда, никуда мне не деться.
От худых фонарей невесомые тени легли,
злой сквознячной дырой ночь нависла – пуста и бездонна,
и в её глубине, там, на краешке самом земли,
в белорусских лесах Белорусская зябнет Мадонна.
От горячих ладоней оконное тает стекло,
в жадно ждущую тьму прочертила дугу сигарета,
вновь в подушечный жар зарываю бессонный свой лоб.
Образумься, приснись – есть ещё целый час до рассвета...

Игорь Столяров,
Нелидово

Звонок, «привет!» – и снова мнусь,
не зная, как начать.
Своей душой твоей коснусь –
и хочется кричать:
«Мое уютное тепло, мой свет ночи и дня!
До самой поздней темноты не оставляй меня,
Пока смятение любви не умерло во мне.
...Пока не замерли часы на кухонной стене...»

Маргарита Петрова,
Андреаполь

Не спится мне, как в юности бывало,
и сбито в ком горячий одеяло.
Балкон открыт в чужую жизнь ночную,
где воздух пряный густ, горяч и сух.
Вся обратившись в тонкий чуткий слух,
над городом я мысленно кочую.

Вот смех мужской весёлый по над речкой,
и девочка щебечет так беспечно.
Предупредить бы глупую, ведь знаю –
опасны эти игры для двоих,
когда так вечер томен, тёмен, тих.
Но лишь в воображении летаю.

В бессонье мысли виснут тёмной тучей.
Слонов считать? Не тот сегодня случай.
Призвать готова все ночные силы,
как будто повернуло время вспять.
Ну разве я могу спокойно спать,
коль внучку на свиданье отпустила?!

● Новые стихи

Маргарита Петрова**8 МАРТА**

Так захотелось веточку мимозы,
как в голод хлеба, в засуху воды,
а на прилавках статусные розы
переполняли яркие ряды.

В нарядной шелестящей упаковке,
как дорогие женщины в шелках.
Такие взял пижон столичный, ловко
затормозив свой «Лексус» у ларька.

Мальчишки жались, пятаки считая,
ушли ни с чем – не по купцам товар.
Да, мальчишки, страна теперь крутая:
там «Лексусы» и розы, где навар.

И вспомнилось: скамейка у вокзала,
смущённого поклонника лицо,
от лишних глаз мимозу укрывала
девчонка, распахнувши пальтецо.

И крался вечер на пушистых лапах...
Покуда мир душой не обнищал,
цветка простого не элитный запах
ключи от рая многим обещал.

* * *

К тебе ворваться праздничной жар-птицей
надеялась, ведь близилась весна.
Не понял ты, тогда простой синицей
тихонько упорхнула из окна.

Растерянная, склёвывала крошки,
что сыпала небрежная рука.
Меняли вид садовые дорожки:
блик солнечный, лист жёлтый и снега.

Не пелось, не звенелось. Вышивала
твой садик зимний белая тоска.
В комочек сжавшись, птичка выживала...
И выжила, душа опять легка.

Не для тебя, а вопреки звучало
весёлое и звонкое: «Синь-сень!».
В саду твоём для песен места мало.
И будет новый путь и новый день.

* * *

Ты забыл, а я простила,
Разница весьма проста –
Ведь в прощенье скрыта сила,
А в забвенье – пустота.

* * *

Пуст мой ларец, как ящик у Пандоры,*
куда, забыв преданье, заглянула
и, выпустив разлуки и раздоры,
испугана их пагубным разгулом.

Кого винить, сама нетерпелива,
мир собственными рушила руками.
Но можно ли считать себя счастливой,
беду храня за тайными замками?

Стою теперь одна, ветра пугая,
осенняя рябина без одежды.
Подруга ли, скорей, сестра родная
оставшейся в углу ларца Надежде.

**Пандора — имя мифической обладательницы
волшебного ящика со всеми бедами и надеждой,
который Зевс приказал никогда не открывать.*

СВИДАНИЕ

Ты был придирчив, щепетилен, строг,
осматривал мой скарб хозяйским взглядом.
Как школьница, не знавшая урок,
не поспевая, семенила рядом.

Готовилась я к встрече, привела
свой домик дачный в миленький порядок.
Сирень, всё понимая, зацвела,
и чем-то сладко веяло от грядок.

Старался где-то рядом соловей,
но не пьянел ты от волшебных звуков.
Уже считая, видимо, своей,
хозяйским обучал меня наукам.

Ты объяснял, как лучше сеять лук
и как рыхлить какие-то там всходы.
Мой взгляд упал случайно на метлу,
забытую нечаянно у входа.

Ну как мне пережить такой конфуз:
старьё моё топорщилось нахально,
навстречу гостю выставя ус.
Увидит если, точно не похвалит.

Вся эта чушь почти с ума свела,
сбивались мысли комариной стаей.
Ты всё-таки спросил: «Зачем метла?»
Ответила: «А я на ней летаю».

* * *

Отпущенные жизнью драмы
Остались где-то позади.
Кто с тыла, окликают дамой,
И бабушкой – кто впереди.

● Новые стихи

Александр Мальчуков,

г. Андреаполь

ПЛАЧЬ, ДУША!

Плачь, душа! Ведь придётся оставить
 Всё, что дорого в жизни сейчас.
 Не продлить нашу жизнь, не слукавить,

Всё свершится в назначенный час.
 И любя, и страшись, и тоскуя,
 Уходя навсегда в мир иной,
 Покидаешь не юдоль земную,
 А единственный рай – рай земной!

Только здесь мои близкие люди,
 Здесь любил и любили меня,
 Только здесь совершилось чудо –
 Чудо жизни, как искры огня!

Жизнь проходит в такой круговерти!
 И однажды в природной тиши
 Так захочется верить в бессмертье,
 Пусть не тела, но только души!

Знать, что можно на Землю явиться
 Из неведомых горних высот,
 Вновь увидеть любимые лица
 И проведать, как жизнь их течёт.

Поддержать, если надо, измену
 Или, может, беду отвратить.
 Вот за эту возможность я цену,
 Хоть какую, готов уплатить.

ПОСЛЕ ДОЖДИКА В ЧЕТВЕРГ

Что верней приметы нет,
 Каждый это знает:
 После дождика в четверг
 Чудеса бывают.

В этот день твоей судьбой
 Сам господь бог водит.
 Пожелаешь сильно что,
 То и происходит.

Можно выиграть на раз
 Деньги в лотерею,
 Сделать явью хоть сейчас
 Чудную идею.

Я дождусь такого дня.
 Будет совпадение!

Ведь не зря господь меня
 Наградил терпеньем.

Вот четверг, за ним другой,
 Энный канул в Лету.
 А дождя, ну как назло,
 Нету, нету, нету!

Наконец, четверг и дождь.
 Вот и совпадение!
 ... Пожеланье не сбылось.
 Что за невезенье!

А не ждал бы, словно пень,
 Это совпадение,
 Был бы счастлив каждый день
 Всем на удивленье.

МЕЧТА НИКАКОГО

Судьба играет человеком,
 как ветерок сухой листвой.
 Каким-то чудом этим летом
 случайно встретились с тобой.
 Хотя, конечно, насчёт встречи
 я слишком смело сказанул.
 На самом деле издалече
 одним глазком мельком взглянул.

Мне не входить в ворота рая
 и рядом не бывать с такой.
 Ты ослепительно крутая,
 а я типичный никакой.
 Я пью вино не просыхая,
 махнул рукой на всё и вся.
 Меня в упор не замечают
 все, даже бывшие друзья.

Меня влечёт судьбина злая
 от неудачи до другой.
 И только третья мировая
 даст шанс мне сблизиться с тобой.
 Но всё ж надежды не теряю:
 всё так меняется
 порой.

А вдруг ты станешь никакая?
 Я уже рядом никакой.
 И будем мы чудесной парой.
 Не нужен нам никто другой.
 Ты мне родная никакая.
 Я твой навеки никакой!

Ольга Пархомец

О ПОВЕЛИТЕЛЯХ НЕБА И ИСТИННОЙ ХРАБРОСТИ

СКАЗКА

На самом краю мира, там, где земля сходится с небом и прячется по ночам солнце, стояла огромная гора. В этой горе было множество пещер, в которых жили последние драконы этого мира. И хотя они давно перестали летать за Предвечный лес, к людским поселениям, память о них была жива среди людей – о драконах слагали легенды, пели песни, каждый рыцарь мечтал встретить такого на своем пути, а родители пугали ими непослушных детей.

Одного из драконов звали Юви. Это был еще совсем молодой дракон с черными крыльями и серебристой полосой, тянувшейся от носа до кончика хвоста. У него была подруга Тия, смешливая драконица с задорным характером и золотистыми глазами. Они вместе купались в море, охотились на диких животных и летали наперегонки от горы до леса. Лес стоял тут с начала времен, поэтому большинство деревьев были настоящими великанами. Но драконы не задумывались об этом – эти деревья были для них такими же привычными, как море, солнце и гора, в которой они жили. Старый лес тянулся на много-много миль, иногда среди деревьев мелькали большие поляны-пропlesiны, на которых летом росли огромные цветы невероятных расцветок, а зимой наметало огромные сугробы. Но драконы этого не знали – ведь всем известно, что зимой драконы спят.

Как-то раз, летая наперегонки, Юви и Тия впервые долетели до большой реки, около которой деревьев почти не было. Они спустились к воде, шумно размахивая крыльями, стараясь не задеть при этом низкорослые деревца, попадавшиеся на пути, и стали плескаться в прохладной речной воде, брызгая друг на друга и пофыркивая от удовольствия. Вдруг Тия воскликнула: «Смотри! Кто это!!!» Оглянувшись, Юви увидел рыжеволосую девушку, которая сидела под деревом, смотря на них во все глаза и боясь пошевелиться. Недалеко от нее стояла стреноженная лошадь.

Надо сказать, что Юви и Тия никогда не встречались с людьми, но так как память драконов передается из поколения в поколение, то каждый дракон знает все, что когда-то знали и видели его предки. Было время, люди и драконы жили рядом, не опасаясь друг друга. Так продолжалось до Предательской войны, когда несколько магов в разных королевствах сговорились и захватили власть, свергнув своих законных правителей. Они организовали сильный союз, позволивший им покорить весь оставшийся мир. Большинство драконов решили не вмешиваться в дела людей, но некоторые попытались помочь. Узнав об этом, маги обещали большую награду за голову любого из них, и поэтому, многие рыцари не разбираясь, кто тут за кого, выступали против каждого дракона встретившегося на пути. Оставшиеся в живых драконы предпочли убраться из безумного, охваченного войной мира за Предвечный лес, на край земли, где никогда не ступала нога человека. Прошли сотни лет, менялись правители и границы королевств. На земле почти не осталось людей, занимающихся магией – памятью о том, что случилось когда-то, новые правители предпочитали окружать себя сильными воинами, а не колдунами и волшебниками. Но память о Предательской войне и о драконах жила среди людей, хотя многие из них считали все эти истории сказками и небылицами.

Итак, Юви и Тия сразу поняли, что перед ними – человек, девушка, еще совсем молоденькая, и при этом не на шутку испуганная. Но увидев, что ее обнаружили, девушка встала и громко произнесла на Всеобщем языке: «Здравствуйте, Повелители Неба! Как я счастлива, что наконец-то нашла Вас! Прошу вас – не причиняйте вреда мне и моей лошади». Юви от удивления чихнул, а Тия наклонила к девушке голову, внимательно осмотрела ее со всех сторон и промурлыкала: «Здравствуй, маленький человеческий детеныш! Откуда ты знаешь о нас, и зачем зашла так далеко в Предвечный лес?» И девушка поведала им свою историю: « Меня зовут принцесса Вайолин. Я – единственная наследница всего Восточного королевства. За долгие годы правления моих отца и матери королевство процветало, так как они предпочитали торговать, а не воевать с соседями. Но в прошлом году с отцом случилось несчастье – на охоте его лошадь чего-то испугалась и понесла, не разбирая дороги. Отец уже практически справился с ней, но впереди оказалось глубокое ущелье, в котором оба и погибли. Через несколько месяцев скончалась моя матушка – вдовствующая королева. Знающие люди шептались, что ее загадочная болезнь уж очень была похожа на отравление медленно действующим ядом. Опекуном и фактическим правителем королевства до моего совершеннолетия, стал мой дядя, который с первых же дней уговаривал меня обручиться с его сыном – толстым, злым и ленивым мальчишкой. Какое-то время мне удавалось уходить от прямого ответа, но с недавних пор дядя стал проявлять все больше настойчивости, к тому же он от моего имени объявил войну нашему соседу и лучшему торговому партнеру – Алмазному королевству. Это королевство хоть и небольшое, известно по всему миру – ведь с алмазами, добываемыми в их копиях, не сравнится ни один

(продолжение на стр.10).

(начало на стр. 9).

драгоценный камень. А меня пригрозил заточить в башню до тех пор, пока я не дам свое согласие на брак. Сначала я горько плакала, но потом решила, что сделаю все, чтобы избежать ненавистного брака и добиться дальнейшего процветания нашего королевства.

Мой отец всегда говорил, что за Предвечным лесом мир не кончается. Он часто рассказывал мне истории о мудрых драконах, с которыми дружили его далекие предки, и которые покинули наш мир во время Предательской войны. Но он верил, что наступит время, и драконы вернутся, и в небе опять зашумят крылья наших могучих друзей – Повелителей Неба. В надежде найти их я и отправилась в Предвечный лес. Отправилась в одиночку, так как знала, что в случае, если мой побег не удастся, те, кто помогал мне, поплатятся головой. Три долгих недели я пробиралась на восток, и вот наконец встретила вас». Вайолин глубоко вздохнула и с надеждой посмотрела на драконов. Несмотря на свою молодость и кажущуюся беззащитность, в ней чувствовались сила и решимость.

Драконы переглянулись. Надо не забывать, что несмотря на свои внушительные размеры, по драконьим меркам они совсем недавно вышли из детского возраста. Им было трудно сразу принять какое-то решение, и Юви нерешительно произнес: «Надо отнести ее к Верховному. Возможно он выслушает ее».

- Не побоишься отправиться с нами? - обернулся он к Вайолин.

- Нет! Но что будет с Белоснежкой?

- Кем???

- Моей лошады! - она с тоской обернулась к белоснежной лошади, встревожено похрапывавшей невдалеке от них. – Много дней она была мне поддержкой и спасением в этом опасном путешествии.

- Думаю, тебе придется оставить ее здесь. В любом случае, за рекой лес такой густой, что лошади не под силу преодолеть его. Ты полетишь с нами. Оставь ей длинный повод, травы вокруг хватит на несколько дней, а запах драконов отпугнет хищников.

Вайолин подошла к лошадке, какое-то время гладила ее по холке и что-то нашептывала на ухо. Потом распутала ноги, перевязала повод, поцеловала прямо в нос и, резко отвернувшись, подошла к Юви. «Я готова», - произнесла она. И, честное слово, голос ее почти не дрожал. «Мне нравится эта человеческая девушка», - ухмыльнулась Тия.

Через несколько часов они подлетели к вершине огромной горы, и Юви испустил такой вопль, что принцесса от неожиданности чуть не свалилась с его спины. «Эт-то ззачем?» - спросила она. «Твое появление - слишком важное событие. Необходимо присутствие всех свободных драконов», - ответил тот.

Через несколько минут в небе стали появляться черные точки. Приближаясь, они превращались в драконов разных размеров и расцветок. Шумно фыркая драконы садились на склон горы и с недоумением оглядывали Юви и Тию, сидящих на самой вершине. И вот в небе показался огромный красный дракон. Он летел низко, лениво взмахивая крыльями, при дыхании из его ноздрей вырывалось пламя. Он приземлился рядом с Юви и Тией и проревел: «Что бы это ни было, я надеюсь, причина стоящая!!!».

Юви, склонил голову и сказал: «О, Верховный! Думаю, причина сегодняшнего собрания покажется тебе веской! Мы принесли Человека!»

«Человека! Человека!!!» - пронеслось по рядам драконов. И тут Вайолин бесстрашно выступила вперед: «Приветствую тебя, Прекрасный и Мудрый Повелитель драконов! Я проделала долгий путь, чтобы предстать перед тобой!» И принцесса рассказала историю о своем королевстве и долгом путешествии.

Красный дракон долго смотрел на рыжеволосую девушку. Потом прищурил глаза и промолвил:

«Это очень интересная история, но чего ты хочешь от нас? Мы, драконы, уже много лет живем вдали от людей, на краю Предвечного леса. У нас на всех хватает земли и дичи. Ради чего нам возвращаться в мир, в котором люди до сих пор делят друг друга на друзей и врагов?» Вайолин взволнованно воскликнула: «Но ведь было время, когда люди и драконы жили вместе, на одной земле!!! И многих из нас связывали не только общие охотничьи угодья, но и настоящая дружба!!! Что удерживает вас здесь сейчас, когда в мире почти не осталось магов и волшебников?»

Верховный поднял огромную голову и прикрыл глаза, как будто что-то вспоминая. Помолчав немного, он повернулся к драконам, сидящим ниже и сказал: «Все вы слышали историю человека по имени Вайолин. Некоторые из вас помнят то время, когда мы жили с людьми, и даже имели друзей среди них. У остальных это время сохранилось в памяти Рода. Те, кто помнит – в той войне многие потеряли друзей-людей и друзей драконов. У них нет желания возвращаться в мир людей, ворошить память и менять что-то в своей жизни. Те, кто родился позже, могут решить сами в каком мире им жить. Я сказал», - дракон замолчал, потом развернулся и, тяжело ступая своими перепончатыми лапами, стал спускаться вниз, к пещерам.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 9-10).

После того, как Верховный покинул вершину горы, некоторые из драконов тоже стали покидать ее, показывая этим, что дальнейшие обсуждения им совершенно неинтересны. Вайолин растерянно смотрела им вслед. Но, несмотря на то, что значительная часть драконов удалась, все таки некоторые остались. Они подошли поближе и стали бесцеремонно оглядывать принцессу со всех сторон, громко обсуждая при этом ее рассказ и то время, когда их предки были вынуждены покинуть мир людей. Их было около двадцати молодых драконов и дракониц. После долгих споров и взаимных уговоров, все из них решили лететь и хотя бы посмотреть, каким стал мир, хранившийся в их памяти неизменным. Отправляться в путь было решено рано утром, вместе с солнцем. Юви и Тия проводили принцессу в свою пещеру и постарались устроить ее поудобнее. Им очень понравилась эта бесстрашная человеческая девушка, и между собой они уже решили, что в любом случае постараются помочь ей.

Вместе с первыми лучами воздух наполнился шумом крыльев и фырканием драконов. Счастливая Вайолин стояла на спине летящей Ти и ее развевающиеся рыжие волосы полыхали огнем в свете восходящего солнца. Глядя на эту картину, некоторые драконы подумали, что дружить с людьми - это может быть здорово, и удивлялись про себя, почему им раньше не пришло в голову отправиться за Предвечный лес.

Через несколько часов сделали привал на той самой реке, где оставили Белоснежку. Тия подлетела поближе, а остальные приземлились чуть в стороне, чтобы не пугать бедную лошадку. Драконы отдыхали и плескались в воде, кое-кто из них решил потратить это время, чтобы подкрепиться, а Вайолин бросилась к своей любимой Белоснежке, бормоча про себя благодарственные молитвы за то, что та осталась целой и невредимой. Белоснежка, несмотря на испуг, радостно заржала, увидев свою хозяйку. Она не подозревала, что сейчас ей предстояло еще одно серьезное испытание. Ласково глядя свою подругу и нашептывая ей на ухо успокаивающие слова, Вайолин сначала обвязала копыта Белоснежки и накинула той на морду свой длинный плащ, подбитый мехом. Потом, взяв за повод, она медленно подвела ее к Ти, которая к тому времени как раз вылезла из воды и присела так, чтобы Вайолин могла завести лошадь на ее спину. Белоснежка дрожала мелкой дрожью, но слушалась хозяйку. Когда они устроились, Тия осторожно взмахнула крыльями и медленно взлетела.

Драконы летели несколько дней. И вот, на шестой день полета, вдаль показались горные вершины. «Это Алмазные горы, - закричала принцесса Вайолин, наклонившись к уху Ти, - они разделяют Восточное и Алмазное королевства! Немного дальше должно быть широкое ущелье, по которому проложен торговый тракт!». Обернувшись на лету, Тия промолвила: «Кажется, он не всегда торговый!». Вайолин сначала не поняла, что та имеет в виду. Но когда они приблизились и полетели вдоль горной гряды, принцесса увидела огромную армию, четкими колоннами проходившую по ущелью. «О, нет! - воскликнула девушка, - Он все-таки посмел напасть на них!». Вдруг из-за леса с диким гиканьем выскочили всадники и, нахлестывая коней, понеслись к ущелью, из которого уже выходили первые ряды воинов Восточного королевства. Казалось, ничего не может остановить кровопролитие. И тут Юви испустил свой коронный вопль. Белоснежка взбрыкнула так, что обе чуть не слетели со спины Ти.

Надо было видеть, что творилось внизу. Многие лошади от ужаса понесли не разбирая дороги, у всадников осталась одна задача: удержаться в седле и не дать лошадям сломать себе шею. Стройные ряды пеших воинов смешались, одни с дикими воплями разбежались кто куда, другие падали на колени и простирали руки к драконам, которые подлетали все ближе и, наконец, закрыли полнеба. Тия и Юви опустили прямо среди этого столпотворения. Остальные остались в небе и величественно кружили над полем несостоявшейся битвы.

Вайолин встала во весь рост на спине Ти и молча смотрела на то, что происходит вокруг. Постепенно вопли затихали. Лошади и люди успокаивались, видя, что Повелители Неба не собираются нападать. Некоторые с опаской приближались и с удивлением разглядывали принцессу и драконов. И тут в наступившей тишине раздался топот копыт, и на поле из-за леса выехала кавалькада всадников. Впереди на угольно-черном коне сидел рыцарь, над головой которого развевался плюмаж из таких же угольных перьев. Всадники подскакали ближе и остановились на почтительном удалении от дракона и драконицы.

Вайолин подняла руку и громко произнесла: «Я – принцесса Вайолин, единственная наследница Восточного королевства!» Все взоры обратились к ней, а она продолжала: «Месяц назад я отправилась в далекое путешествие, целью которого было найти подтверждение легендам Старого мира о существовании драконов – Повелителей неба. Я была вынуждена сделать это, так как мой дядя Абурий захватил власть и склонял меня к браку, нежеланному для меня и невыгодному для королевства. Несмотря на то, что до моего совершеннолетия остается еще полгода, я объявляю себя единоличной правительницей в интересах Восточного королевства. Я соберу Совет Двенадцати независимых, чтобы подтвердить или опровергнуть законность данного решения. Также я объявляю, что война, затеянная от моего имени кажется мне преступной и неразумной. И если Правитель Алмазного королевства сочтет возможным принять мои извинения и отозвать свои войска, то я буду считать себя в долгу перед ним».

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 9-11).

Всадник с плюмажем приблизился к драконице, на спине которой стояла принцесса, глянул вверх на продолжающих парить над ними драконов, и промолвил: «Будем считать, извинения приняты! Рад слышать, что эта война не твоя затея, прекрасная Вайолин, и готов прекратить ее, даже не начиная». После этого он спрыгнул с коня, преклонил одно колено и снял шлем. Под ним оказался совсем молодой воин, которого можно было бы назвать красивым, если бы не уродливый шрам, тянущийся через всю щеку. Вайолин вскрикнула от удивления. Это был молодой Правитель Алмазного королевства, который вступил на престол четыре года назад. Его отец, перенесший тяжкую болезнь, удалился от дел и свое свободное время проводил в саду, выращивая невиданные сорта роз. В детстве Вайолин и принц Дакар не раз играли вместе во время взаимных визитов их родителей. Но последних несколько лет они не виделись, и теперь, первый раз встретившись взрослыми, с удивлением рассматривали друг друга.

После долгого разговора молодой король и принцесса попрощались. Дакар, во главе своих воинов отправился домой, а Вайолин, также приказав армии разворачиваться, продолжила свой путь к сердцу Восточного королевства. Сев прямо напротив дворца на Фонтанной площади драконы произвели большой переполох. Но увидев с ними принцессу Вайолин, люди начали успокаиваться, хотя им и трудно было поверить в ожившую легенду. Вайолин спустилась со спины Тии, передала Белоснежку с рук на руки подбежавшим слугам и решительно отправилась во дворец в поисках дяди Абруция.

Но оказалось, что увидев Вайолин во главе стаи драконов, Абруций в испуге покинул дворец вместе с сыном и несколькими своими приспешниками. Вайолин назначила большую награду тому, кто найдет его и живым приведет во дворец, но поиски были тщетными. Впрочем, среди оставшихся по нему никто не скучал.

Совет Двенадцати независимых, созванный через неделю после возвращения принцессы, единогласно признал ее королевой. Церемония коронации была поистине великолепной. Гуляло все королевство. Во всех городах на главную площадь были выставлены столы с угощением и выкачены бочки с великолепным свежесваренным пивом. Народ был счастлив избавиться от напыщенного, грубого и жадного правителя и восторженно признавал Вайолин своей королевой.

Через две недели после коронации молодая королева прогуливалась по саду в окружении своих фрейлин. Несмотря на то, что история ее путешествия была уже всем известна, они приставали к ней с бесконечными вопросами о драконах, о Предвечном лесе и восторженно ахали и охали, поражаясь ее смелости. В этот момент во двор замка въехали две больших повозки, окруженные целой толпой всадников. Это оказалось посольство из Алмазного королевства. Повозки были нагружены драгоценными дарами для королевы и гостинцами для драконов. Попросив аудиенции у правительницы, предводитель всадников передал ей пергамент, в котором король Дакар просил руки молодой королевы, и Вайолин без колебаний ответила согласием.

Драконы гостили в окрестностях столицы. Люди, привыкнув к их виду и уверившись в доброте этих великолепных созданий, часто приходили послушать, о чем говорят Повелители Неба - ведь драконья память хранит необычайные истории многих поколений. Самые храбрые уже пробовали подниматься в воздух на их спинах. Но чаще всех в воздухе можно было видеть бесстрашную рыжеволосую Вайолин стоящей на драконице цвета моря, с золотистыми глазами, и повсюду их сопровождал черный дракон с серебристой полосой, тянущейся от носа до кончика хвоста. Королева, Тия и Юви воистину сдружились и проводили вместе столько времени, сколько позволяли королевские обязанности. Юви, узнав, что свадьба Вайолин не за горами очень обрадовался, а когда узнал, кто будет ее мужем, обрадовался еще больше. Ему очень понравился благородный и щедрый правитель Алмазного королевства и он был уверен, что у того хватит смелости составить компанию Тии и Вайолин и прокатиться на его широкой спине.

Свадьбу, соединившую оба королевства, сыграли в середине осени, когда деревья были усыпаны золотисто-красным нарядом, а кладовые заполнены невиданными для тех мест урожаями. А ближе к зиме люди помогли драконам уютно устроиться и уснуть на долгих три месяца.

Ранней весной, когда по холмам побежали веселые ручьи, а на лугах появилась первая трава, большинство драконов решили отправиться дальше, и с некоторыми отправились их новые друзья - смельчаки, жаждавшие путешествий. Но Тия и Юви, несмотря на жажду путешествий, никогда не покидали надолго Восточное королевство и его прекрасных правителей, ставших им близкими друзьями.

В памяти последующих поколений осталось множество замечательных песен и историй, в которых прославляли храбрость и мудрость короля Дакара и бесстрашие его прекрасной супруги, благодаря которой люди и драконы опять стали жить в мире на одной земле.

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

В подъезде уже слышна возня: щёлкают дверные замки, гулко разносятся голоса, пахнет горелыми спичками – соседи сверху и снизу тоже высыпали из своих квартир. Все хотят досмотреть фильм. Я включаю фонарик и подхожу к распределительному щиту. Распределительным щитом я называю это место, скорее, по привычке. На самом деле это – клубок проводов, торчащий из стены над электрическими счётчиками. Некоторое время я внимательно изучаю это месиво, пытаюсь разобраться в хитросплетении проводов. Из тёмной квартиры выглядывает жена:

– Ну что?

– Посвети, – прошу я её и, отдав фонарик, беру «электропалку» двумя руками – дело тут тонкое и требуется точная координация движений.

Я осторожно снимаю палкой кончик своего провода с одного пучка проводов и аккуратно перекладываю его на другой пучок. Щёлкает искра. В квартире загорается свет.

– Ура! – шёпотом говорит жена и торопит: – Пошли скорее!..

Мы возвращаемся в комнату. Свет в квартире тусклый, развёртка на экране телевизора не полная, изображение бледное: напряжение в сети – вольт 180, не выше. Но смотреть можно.

Постепенно нас вновь захватывает фабула фильма. Мюллер снова неподражаем. Штирлиц, как всегда, бесподобен. Музыка Таривердиева божественна... Свет вновь слегка притухает – ещё кто-то «подсел» на «фазу». Изображение ещё больше бледнеет и начинает подрагивать.

– Хоть бы досмотреть! – переживает жена.

Но досмотреть не удаётся. Свет вдруг резко тускнеет, а потом гаснет окончательно.

– Всё! – произношу я в темноте сакраментальную фразу. – Кина не будет. Керосин кончился.

Жена ощупью идёт на кухню и возвращается с зажжённой свечой. Ставит её на телевизор и вновь опускается в кресло.

– Не расстраивайся, – говорю я, – всего-то десять минут не досмотрели.

Некоторое время мы молча сидим, глядя на мерцающее пламя свечи. Потом я начинаю собираться.

– Поосторожнее там, – напутствует меня на пороге жена. – Не лезь на рожон.

– Не волнуйся, – успокаиваю я её. – Не впервой.

Взяв фонарик, я ухожу. Возле подъезда меня поджидает Семёныч.

– Долго копаешься! – ворчит он. – Фильм уже семь минут, как кончился, – и, подняв воротник, торопливо идёт вперёд.

Я не обращаю внимания. Семёныч всегда ворчит.

– А где Рустем? – спрашиваю я.

– Уже в подвале, – не оборачиваясь, отвечает Семёныч. – И Мелешко с ним. За связного.

– Понятно, – говорю я.

Мы идём вдоль дома. Снег скрипит под ногами.

– Фонарик взял? – оглядывается через плечо Семёныч.

– Взял, – говорю я. – Батарейки только хилые. Надолго не хватит.

– Вечно у тебя!.. – ворчит Семёныч.

Мы заворачиваем за угол и попадаем в царство лунного света. Всё вокруг сверкает и переливается в перламутрово-голубом сиянии. Сама луна – неправильным овалом – висит высоко над водочкачкой.

– Красиво... – вздыхаю я.

– Дерьмо собачье!.. – ворчит Семёныч, он смотрит под ноги.

Мы подходим к трансформаторной будке. Семёныч разгибает проволоку, заменяющую дверной замок, и входит вовнутрь. Я свечу. В будке тесно и пахнет сторевшей изоляцией. Громко гудит трансформатор. Семёныч шарит за дверью.

– Где ж она?!.. – сквозь зубы ворчит он. – Вечно куда-нибудь засунут!..

– Ну что, нашёл? – спрашиваю я.

– Нашёл, – говорит Семёныч и поворачивается ко мне. У него в руках БЭП.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

БЭП – это Большая Электрическая Палка, а точнее, – хоккейная клюшка с обломанным на две трети пером.

– Свети! – говорит Семёныч и направляется в угол, тускло освещённый зловещим малиновым светом.

Я осторожно двигаюсь следом, стараясь светить над плечом Семёныча. Мы подходим к источнику света. Это – раскалённый до малиновости кусок арматуры, лежащий на двух оплавленных контактах. Арматурина эта исполняет роль рубильника, которым обесточивается наш дом. Вокруг «рубильника» многоногим спрутом клубятся толстые почерневшие провода.

– Стой так! – отрывисто говорит Семёныч. – Свети!

Я, вытянув шею, наблюдаю. Семёныч, напряжённо сопя, аккуратно просовывает перо клюшки сквозь «ноги спрута», подводит его под арматурина, а затем резким и точным движением сдёргивает её с контактов. Летят искры.

– Есть! Готово! – говорит Семёныч и БЭПом подкатывает раскалённый кусок железа к своим ногам. – Ну, думаю, минут пятнадцать у нас есть.

Мы разворачиваемся и в обратном порядке, гуськом, выходим из будки. Сияет луна. Наш дом, погружённый во тьму, мрачно поблескивает чёрными окнами. Я отыскиваю свою квартиру и с трудом различаю в тёмном кухонном окне чуть подсвеченный лунным светом силуэт жены. Смотрит. Волнуется. Семёныч, опираясь на БЭП, закуривает.

– Семёныч, а чья это клюшка? – спрашиваю я.

– БЭП, что ли? – отзывается Семёныч. – А хрен его знает. Я когда первый раз в эту будку попал – ещё капитаном, «светящим», – она уже там стояла...

Дело в том, что когда-то давно, ещё задолго до моего приезда в Орловку, здесь, в трансформаторной будке, убило человека. То ли лейтенанта, то ли старлея. Он сунулся в будку, так же как и мы, – отключить дом, но что-то сделал не так, и его убило током. Что он сделал не так, в чём ошибся – никто не знает, свидетелей не было. И в гарнизоне был издан приказ: в трансформаторной будке работать только вдвоём, причём непосредственное отключение, то есть работа с БЭПом, может осуществляться только офицером в звании не ниже майора, а офицер в звании не ниже капитана может выполнять вспомогательные работы, говоря проще – светить фонариком. Говорят, что есть приказ и по центральной трансформаторной будке, где стоит рубильник отключения всего городка. Говорят, там тоже есть палка, только она гораздо больше БЭПа и называется ЦЭП – Центральная Электрическая Палка. Говорят, что с ЦЭПом по приказу работать могут только подполковники, а светить фонариком – майоры. Говорят, что вместо рубильника там не арматурина, а кусок солдатского лома и светится он так, что надо надевать тёмные очки. А ещё говорят, что где-то на аэродроме, в секретном подземном бункере, стоит Главный Выключатель, которым можно отключить вообще весь гарнизон. Там вместо рубильника на контактах лежит кусок рельса, а искра там при размыкании такая, что не ослепнуть можно только в сварочной маске. Говорят, что допуск туда имеют только командиры частей со своими замполитами и орудуют они там ГЭПом – Главной Электрической Палкой, которая длиной метра три и толщиной с оглоблю. Говорят... Говорят...

Я получил капитана совсем недавно, и поэтому сопровождаю Семёныча в будку всего лишь в третий или в четвёртый раз. До этого я крайний раз ходил отключать рубильник года полтора назад – ещё когда был холостяком и жил в тринадцатом доме. У нас там электрическая схема немножко другая – там стоят подъездные выключатели. А по приказу с подъездными выключателями могут работать и старшие лейтенанты. Работа, в общем-то, была плёвая, но дело осложнялось тем, что подъездные выключатели находятся в подвале, а в подвале тринадцатого ДОСа всегда стоит вода. Летом там примерно по щиколотку, а вот зимой – бывает, что и по грудь. Представляете, каково это – работать с электричеством, стоя по пояс в воде? Конечно, экипировались мы соответственно: летом работали в резиновых сапогах, а зимой надевали «элку» – костюм «Л-1» противохимической защиты. Но всё равно, было немного не по себе. Орудовали мы там обычными квартирными «электрическими палками», каждый своей. Вонючка там стоит неимоверная! Вода уже давно протухла, мусор всякий плавает, дерьмо разное, крысы дохлые. Жутко там. Темень там непроглядная, и капает всё время сверху, с потолка, прямо за шиворот. А где-то вода всё время льётся, и не поймёшь – где. А ещё иногда звуки. Противные такие – как будто кто-то зубами скрипит. Или пенопластом по стеклу водит. Говорят, зверь там какой-то живёт. То ли выдра, то ли ондатра. Ну, что-то водяное. Говорят, его даже кто-то видел. Мол, плыло такое, размером с кошку, и крысу держало в зубах. Брешут, наверное. Станет оно жить в такой вонючке, как же! А ещё говорят, рыба там водится. Ротаны. Насчёт этих-то как раз и не удивительно – эти заразы везде выживут. Вот только, говорят, они там безглазые вовсе. И чёрные, как смоль. А ещё говорят, где-то там, в тёмных подвальных лабиринтах, куда никогда не заходит человек, обитают гигантские чёрные пауки, такие огромные, что ловят и едят крыс.

Говорят... Говорят... Говорят...

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

– Мелешко бежит, – толкает меня в бок Семёныч и щелчком отбрасывает окурок. – Видать, починили.

Скрипя снегом, подбегает запыхавшийся лейтенант Мелешко:

– Всё! Сделали! Рустем Айратович говорит, что можно включать!

– Добро! – кивает Семёныч. – Скажи, что через пару минут дадим свет.

Мелешко разворачивается и бежит назад. Луна светит ему в спину. Семёныч ждёт, когда фигура Мелешко скроется за углом, затем командует:

– Пошли!

В том же порядке – Семёныч с БЭПом впереди, я с фонариком сзади – мы входим в будку. Трансформатор гудит. Семёныч подбирает уже остывшую арматуру и ставит БЭП к стене.

– Свети! – строго говорит он мне.

Я свечу. Семёныч подходит ближе к сплетению проводов, тщательно прицеливается и с расстояния примерно в метр аккуратно накидывает арматуру на контакты. Вспышка! Летят искры. Железяка не удерживается на своём месте и падает на пол.

– ...!!! ...!!! ...!!! – эмоционально говорит Семёныч.

Я молча соглашаюсь. Мне кажется, что трансформатор меняет тональность и начинает гудеть угрожающе. Семёныч вновь берёт клюшку и подгребаёт арматуру к своим ногам, после чего повторяет попытку. Вспышка! На этот раз попытка удачная – арматура «прикипает» к контактам.

– Есть! – говорит Семёныч. – Зацепило!

Мы переводим дух.

– Всё, – говорит Семёныч, – уходим...

Мы выбираемся из будки, запираем дверь на проволоку и идём прочь. Дом сияет окнами, как круизный лайнер. Кажется, что луна на небе поблекла, но отчётливые чёрные тени на ломких ногах скачут впереди нас по сугробам. Перед глазами у меня висят два зелёных пятна – следы от электрических вспышек. По опыту я знаю – они пройдут минут через тридцать-сорок.

Возле подъезда нас поджидают возбуждённый Мелешко и спокойно покуривающий Рустем Айратович – флегматичный пожилой прапорщик, электрик из батальона авиационного обеспечения.

– Ну, что там было? – интересуется Семёныч у Рустема.

Тот вынимает сигарету изо рта и сплёвывает на снег:

– Опять все фазы погорели. Живого места уже нет! Цеплять не за что. Я уж и так крутил, и этак... – он морщится, как от зубной боли, и вяло машет рукой: – Дней на пять, может, и хватит, – потом, подумав, добавляет: – Максимум на неделю.

Мы расходимся. Я поднимаюсь к себе на этаж и открываю дверь квартиры. Жена тут же повисает у меня на шее.

– Вовка!.. Вовка!..

– Ну всё. Всё... – я осторожно обнимаю её за плечи. – Всё нормально... Всё уже нормально.

Она резко отстраняется и смотрит мне в лицо.

– Свет мигнул и погас! А у вас там какая-то вспышка! Всю улицу озарило! И, главное, никто не выходит! Я уж не знала, что и думать!..

– Всё нормально, – говорю я. – Ерунда. Ничего страшного. Просто... «Акела промахнулся»... Бывает... – я смотрю в её глаза, где застыла тревога, на строго сдвинутые брови, и на душе у меня постепенно теплеет. Я улыбаюсь. – Знаешь что, – говорю я жене, – а давай-ка пить чай...

(продолжение следует).

**ВНИМАНИЕ:
КОНКУРС!
«ЛЮБОВЬ-
МОРКОВЬ»**

*Напоминаем,
что условия
конкурса
опубликованы в
«Светлячке»
№9(30) за
сентябрь 2013*

*года. Прочсть нашу газету вы
можете, набрав в поисковой строке:
литературно-краеведческая газета
«Светлячок».*

Наталья Шабанова,

п. Чистая речка.

Пара рыжая, нагловатая
Выползает на божий свет,
Неуклюжая, простоватая,
Но влюблённая, спору нет!

Тут толпа возмутилась.
Граждане растопырили все глаза:
–Ах, Морковь! До чего ж бесстыжая,
Вертихвостка и егоза!

Обнимашки у них, поцелуйчики,
Шуры-муры и прочий флирт...
Несмышлёныши, сушие дурочки,
Да, к тому ж, потеряли стыд!

Забрюзжала толпа, заохала–
Рыжим бестиям – нипочём!
Обнялись, обменялись вздохами
И влюбляются горячо.

Не кричите, вы зря стараетесь,
Всем известно – не долог их век.
Пусть любовь и у вас случается,
Романтично, как первый снег!

Работы присылать в электронном
варианте по адресу:
andkniga@andreapol.tver.ru
или присылайте рукописи по адресу:
**г. Андреаполь, пл. Ленина, д. 1;
или приносите в районную
библиотеку.**

● Чудеса в решете

КАК Я ЗОЛОТО НАШЁЛ

Когда у родителей бывал отпуск, мы путешествовали по родственникам. В то лето мы гостили под Бибиревом, в деревне Жар. Там и случился со мной конфуз.

Жили мы в только что построенном доме тёти Фроси. Её сын Иван всего на четыре года меня старше. Было лето, тепло, бегать можно босиком, меня, горожанина, это забавляло, особенно тогда, когда наступишь на «мину», так называли ребята коровьи лепёшки, заапах... Ну да ладно.

Проблема была в деревне только одна: отсутствие водоёма, и купаться мы бегали в Зуево. Это совсем рядом, всего лишь в одном-двух километрах: для мальчишек не расстояние. Сама деревня стояла недалеко от дороги Бибирево – Андреаполь, как и Жар, только Зуево было видно, а Жар почему-то с дороги совсем не виден, кроме указателя, который стрелкой подсказывал направление в деревню. Это сейчас я знаю, что всему виной был гребень возвышенности, да он и сейчас там есть...

В один из очень жарких дней Ваня предложил махнуть на речку Серёжинку. Поделились этой идеей ещё с Сашкой и Федей, они согласились. Минут через двадцать, всё время бегом, были на речке.

Накупались мы от души, Ваня и Саша даже на тот берег уплывали, но нас с Федей не звали – малыши, что с нами тягаться. В обратный путь отправились через Зуево. Только появились первые дома, я увидел стадо коров и овец, которое то ли охранял, то ли просто смотрел, правильно ли пасётся скот, дедушка. Мы подошли. Поздоровались. Он сразу обратил на меня внимание и спросил: «Откуда приехал?». «С Украины, к родственникам в Нелидово и вот здесь, в Жар – к бабушке Фросе», – ответил я. «Понятно, знаю такую, да и Ваньку её знаю». Ребята пошли дальше, а меня как что-то держало возле этого деда. «О-па, – произнёс он, – как тебе повезло, вот смотри, видишь под берегом, у воды, кусок золота лежит, бери быстрее и неси своей бабке».

Я поднял кусок благородного металла, гораздо позже я узнал, что оно таковым значит, засунул его под рубашку и что духу помчался в Жар. Ребята сопроводили меня взглядом, но догонять не стали. Это потом они смеялись от души. С порога тётино дома я уже кричал: «Золото! Я нашёл золото!». Но когда вытащил кусок из-за пазухи, к своему удивлению увидел обыкновенный булыжник. Подменили, мелькнуло в голове. Только кто? И я помчался в обратный путь, боялся, что дед уйдёт, и я не смогу показать ему подмену.

К моему счастью, он сидел всё в той же позе и на том же месте, а животные паслись рядом. «Вы меня обманули», – сказал я ему. «И в чём я тебя обманул?» – спросил он. Я вытащил булыжник, он блестел так сильно, что пришлось отвести взгляд. Золото! Я снова помчался в деревню...

Ребята шли по большаку и громко переговаривались, потом они мне сказали, что это они со смеху «катались» от моей беготни. Когда я примчался домой, тётя Фрося доила корову. Предложила молочка парного, это моя слабость. Отдышался я и полез за пазуху. Боялся даже подумать, что в руках может оказаться всё тот же булыжник...

Это он и был. Назад я уже не побежал. Ребята, когда увидели булыжник, нарочно стали смеяться ещё сильнее, даже катались по земле. А собака Дунай всё лаяла на них, будто ругалась: «Вот шутники, знали про гипнотические проделки деда, а не сказали».

Я часто вспоминаю эту историю из моего детства. Но особенно никогда не разглашал, чтобы не сгореть со стыда. Теперь, думаю, можно... Уже не сторю.

**Владимир Сучков,
г. Нелидово**